

ценили выше книг, им было стыдно позвонить мне (по их словам), но коль я позвонил сам, меня пригласили посетить их. Книг уже не было, и всё это выглядело крайне грустно. Дама, допустившая такую промашку, видя моё лицо, предложила посетить их дачу в Валентиновке, сказав, что там тоже есть книги. Там, действительно, были книги, но ничего общего с виденной мною аркой не было. Я даже не помню, какие книги я взял по настоянию дамы, пригласившей меня. В очередной раз вырвав у меня обещание посодействовать с музыкальным инструментом, мы расстались навсегда.

Через довольно длительное время мне встретился в продаже в одном из арбатских магазинов запомнившийся мне томик Милонова. Я его приобрёл на память об этом печальном для меня приключении. Если же мой рассказ кого-нибудь научит, то буду считать, что купил его второй раз не зря. Синева томака, несколько потускневшая за прошедшие пятьдесят лет, меня, по-прежнему, радует.

Плоды невежества

В 1983 году в Москве неожиданно умер ещё сравнительно не старым один московский книжник, который сочетал в себе страсть к собирательству и к наживе на этой ниве. Я ни в коем случае последней фразой не даю свою оценку такому явлению, вообще-то нередко бытующему, а только констатирую этот факт. В связи с двумя направлениями деятельности после его смерти вдове, которая не была одержима

его страстями, досталось значительное наследство, состоящее из книг и графики совершенно разного плана и достоинства, от экземпляров, достойных экспонирования в музеях, до предметов, которые могут заинтересовать лишь отдельных людей, которых в качестве покупателей и ждал их покойный хозяин. Имущества было довольно много, и вдова начала его распродавать. Весь круг её покупателей мне неизвестен. Я хочу лишь об одном из них рассказать.

Я не знаю точно причины, почему из всех букинистических магазинов она выбрала магазин, где работала товароведом женщина. Возможно, ей показалось, что с женщиной иметь дело надёжнее. Вначале она отправляла в этот магазин хорошие экземпляры книг по библиографии (сборники каталогов по продаже букинистических и антикварных книг различных фирм и т. п.), потом ряд книг 20х годов, которые показались ей или её консультантам не интересными.

Так как я бывал в этом доме раньше и видел, какие книги и экземпляры там хранились, я всё ждал, когда их принесут, но не принесли. Кому они достались, я не знаю. Я, посещавший магазин во время этих продаж ежедневно, видя, что поступления прекратились, сократил число своих посещений и, наверное, напрасно, так как придя через несколько дней, мне сказали, что ещё одна партия книг была, и осталось только это. Мне показали пальцем на две очень больших папки с листами гравюр и литографий. Посмотрев издали на них, я понял, что это современная живопись, а листы очень больших размеров. Я спросил, что это такое?

Ответ товароведа был: «Я не знаю, знаю лишь то, что это связано с еврейством, она это не любит, и просила продать за любые деньги». Открыв одну из папок, я увидел на каждом листе дарственную надпись: «Дорогому Илье Григорьевичу от Анатолия Львовича», на листах во второй папке дарственная подпись была следующей: «Уважаемой Любви Михайловне от Анатолия Львовича» и подпись исполнителя: «А. Каплан».

Я знал, что в Ленинграде много лет творил известный художник, гравёр и литограф Анатолий Львович Каплан. Знал и то, что его произведения, в основном, были связаны с видами Ленинграда и иллюстрированием произведений еврейского писателя Шолом-Алейхема. Эти сведения я почерпнул в своё время из монографии Б. Сурица «Анатолий Львович Каплан», изданной в Ленинграде в 1972 году. Видел я в этой книге многочисленные репродукции с его произведений. Но самих произведений никогда не видел, хотя они выходили из печати малотиражными альбомами в шестидесятых годах в издательстве «Художник РСФСР», Ленинград, 1972 г. Откликнулся на монографию видный советский писатель Илья Григорьевич Эренбург. Это я помнил. Потому, когда я прочитал надписи на литографиях, то подумал, что, наверное, А. Каплан подарил эти литографии именно ему, а уважаемой Любовью Михайловной вполне вероятно могла оказаться жена Ильи Григорьевича, художница по профессии.

Мои раздумья завершились вопросом, а сколько хозяйка хочет получить за эти литографии? Товаровед мне отвечает: «Она так хочет от этого избавиться, что сказала: «... да хоть по рублю», здесь всего 120 ли-

тографий, по 60 в каждой папке. Хотите, забирайте!» Я не мог оценивать литографии по недостаточности познаний и сказал, что пришлю покупателя, интересующегося темой произведений Шолом-Алейхема. Покупатель такой нашёлся, он немедленно поехал и купил папки; сколько было заплачено, я не помню. За комиссию я попросил, чтобы он мне отдал 2 литографии с видами осаждённого Ленинграда и несколько литографий к еврейской детской сказочке, где, кроме изображений домашних животных, литографирован текст сказки на русском и еврейском языках.

Потом я узнал, что в семидесятых годах А. Каплан эмигрировал в Израиль, где впоследствии умер. Оставшиеся у меня авторские экземпляры литографий с автографами художника, по моему мнению, представляют определённый интерес и ценность. Не представилась возможность выяснить, каким образом литографии, подаренные И. Эренбургу и его жене, после их смерти попали к неожиданно умершему московскому книжнику. Рассказ же этот я написал исключительно с целью обратить самое тщательное внимание к предметам искусства не только антикварным, но и современным. Этими словами я хочу закончить рассказ об этой поучительной истории.

Серые доходы и книга

К пятидесятым годам относится ещё такое яркое воспоминание, характеризующее особенности того времени.